

PENGUIN BOOK OF RUSSIAN POETRY (2015)

Edited by Robert Chandler, Boris Dralyuk, and Irina Mashinski

Selection © 2015

Russian Text

Part III

Table of Contents:

4. AFTER PUSHKIN

Фёдор Иванович Тютчев (1803-73)

<i>Последний катаклизм – De Profundis</i>	105
<i>Silentium! – Silentium!</i>	105
«Я лютеран люблю богослуженье» – “I like the Lutheran service, calm and grave”	106
«Слёзы людские, о слёзы людские» – “Tears of humanity, tears of humanity”	107
«В разлуке есть высокое значенье» – “There is deep meaning in a parting”	107
«Святая ночь на небосклон взошла» – “The sacred night has scaled the sky and rolled”	108
«Не говори: меня он, как и прежде, любит» – “Pray, do not say: ‘His love for me has not diminished”	108
<i>Последняя любовь – Last Love</i>	109
«Эти бедные селенья» – “How bare the countryside! What dearth”	109
«Есть в осени первоначальной» – “In early autumn sweetly wistful”	110
«Умом Россию не понять» – “Russia is baffling to the mind” / “You will not grasp her with your mind”	111
«Нам не дано предугадать» – “Not in our power to foretell”	111
«Брат, столько лет сопутствовавший мне...» – “My brother, who has kept us both alive”	111
«Всё отнял у меня казнящий бог...» – “I am deprived of everything”	112

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814-41)

<i>Предсказание – A Prophecy</i>	114
«Нет, я не Байрон, я другой» – “No, I’m not Byron, I’m unknown”	115
<i>Парус – The Sail</i>	116
<i>Бородино – Borodino</i>	117
«Расстались мы, но твой портрет» – “Though we have parted, on thy breast”	120
<i>Казачья колыбельная песня – Cossack Lullaby</i>	121
«Прощай, немытая Россия» – “Farewell forever, unwashed Russia!”	122

«Выхожу один я на дорогу» – “I go outside to find the way”	123
Родина – My Country	123
Сон («В полдневный жар в долине Дагестана») – Dream	124

Алексей Константинович Толстой (1817-75)

Волки – Wolves	126
----------------	-----

Афанасий Афанасьевич Фет (1820-92)

«Я пришёл к тебе с приветом» – Spring	131
«Облаком волнистым» – “Billowing dust”	132
Воздушный город – The Aerial City	132
«Лозы мои за окном разрослись живописно и даже» – “Look, outside my window the vine is spreading so fast it”	133
«Шёпот, робкое дыханье» – Whispers	133
У камина – By the Fireplace	134
«Пойду навстречу к ним знакомою тропой» – “Evening, I’ll go to meet them down the old”	134
«Только встречу улыбку твою» – “The moment I encounter your smile”	135
Никогда – Never	136
Теперь – Here	137
Ласточки – Swallows	137
«Я тебе ничего не скажу» – “Not a word will I utter”	138
«Ты вся в огнях. Твоих зарниц» – “You’re ringed by fire. Its flashes”	139
Сентябрьская роза – September Rose	139
«Ещё люблю, ещё томлюсь» – “Loving, I am still dumbfounded”	140

Аполлон Николаевич Майков (1821-97)

Сенокос – The Hay Harvest	141
---------------------------	-----

Николай Алексеевич Некрасов (1821-77)

«Вчерашний день, часу в шестом» – “Hay Square, 6 p.m.”	145
Мороз, Красный нос – Red-Nosed Frost (extract)	145
Гимн – A Hymn	148
Русские женщины: Княгиня М.Н. Волконская – Princess Volkonskaya (extract)	149

Фёдор Иванович Тютчев (1803-73)*Последний катаклизм*

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!

⟨1829⟩

Silentium!

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пуškai в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуясь ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймёт ли он, чем ты живёшь?
Мысль изречённая есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..

<1830 (?)>

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой, —
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

Не видите ль? Собравшись в дорогу,
В последний раз вам Вера предстоит:
Ещё она не перешла порогу,
Но дом её уж пуст и гол стоит, —

Ещё она не перешла порогу,
Ещё за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь Богу,
В последний раз вы молитесь теперь.

<16 сентября 1834>

Слёзы людские, о слёзы людские,
Льётесь вы ранней и поздней порой...
Льётесь безвестные, льётесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, —
Льётесь, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.

<1849>

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

<6 августа 1851>

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадней, день любезней,
Как золотой покров, она свила,
Покров, накиннутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастью темной.

На самого себя покинут он —
Упразднен ум, и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь всё светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном ночном
Он узнает наследье родовое.

<Между 1848 и мартом 1850>

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я —
Но эта жизнь!.. О, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

<1850-51>

Последняя любовь

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство, и безнадежность.

<1851-54>

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.

<13 августа 1855>

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

<22 августа 1857>

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

<28 ноября 1866>

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

<27 февраля 1869>

Брат, столько лет сопутствовавший мне,
И ты ушел, куда мы все идем,
И я теперь на голой вышине
Стою один – и пусто всё кругом.

И долго ли стоять тут одному?
День, год-другой — и пусто будет там,
Где я теперь, смотря в ночную тьму
И, что со мной, не сознавая сам...

Бесследно всё — и так легко не быть!
При мне иль без меня — что нужды в том?
Всё будет то ж — и вьюга так же выть,
И тот же мрак, и та же степь кругом.

Дни сочтены, утрат не перечесть,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я как есть
На роковой стою очереди.

<11 декабря 1870>

Всё отнял у меня казнящий бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я ему еще молиться мог.

<Февраль 1873>

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814-41)*Предсказание*

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

<1830>

Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или Бог — или никто!

<1832>

Парус

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

<1832>

Бородино

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
 Москва, спаленная пожаром,
 Французу отдана?
 Ведь были ж схватки боевые,
 Да, говорят, еще какие!
 Недаром помнит вся Россия
 Про день Бородина!»

«Да, были люди в наше время,
 Не то, что нынешнее племя:
 Богатыри — не вы!
 Плохая им досталась доля:
 Не многие вернулись с поля...
 Не будь на то господня воля,
 Не отдали б Москвы!»

Мы долго молча отступали.
 Досадно было, боя ждали,
 Ворчали старики:
 «Что ж мы? на зимние квартиры?
 Не смеют, что ли, командиры
 Чужие изорвать мундиры
 О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
 Есть разгуляться где на воле!
 Построили редут.
 У наших ушки на макушке!
 Чуть утро осветило пушки
 И леса синие верхушки —
 Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
 И думал: угощу я друга!
 Постою-ка, брат мусью!
 Что тут хитрить, пожалуй к бою;
 Уж мы пойдем ломить стеною,
 Уж постоим мы головою
 За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
 Что толку в этакой безделке?
 Мы ждали третий день.
 Повсюду стали слышны речи:
 «Пора добратся до картечи!»
 И вот на поле грозной сечи

Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
 Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
 Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
 Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
 Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
 Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
 Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
 И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
 Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
 В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
 Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
 Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий

Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый

И до конца стоять...

Вот затрещали барабаны —

И отступили бусурманы.

Тогда считать мы стали раны,

Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,

Могучее, лихое племя:

Богатыри — не вы.

Плохая им досталась доля:

Не многие вернулись с поля.

Когда б на то не божья воля,

Не отдали б Москвы!»

<1837>

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.

И, новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — всё храм,
Кумир поверженный — всё бог!

<1837>

Казачья колыбельная песня

Спи, младенец мой прекрасный,
 Баюшки-баю.
 Тихо смотрит месяц ясный
 В колыбель твою.
 Стану сказывать я сказки,
 Песенку спою;
 Ты ж дремли, закрывши глазки,
 Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
 Плещет мутный вал;
 Злой чечен ползёт на берег,
 Точит свой кинжал;
 Но отец твой старый воин,
 Закалён в бою:
 Спи, малютка, будь спокоен,
 Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
 Бранное житьё;
 Смело вденешь ногу в стремя
 И возьмёшь ружьё.
 Я седельце боевое
 Шёлком разошью...
 Спи, дитя моё родное,
 Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
 И казак душой.
 Провожать тебя я выйду —
 Ты махнёшь рукой...
 Сколько горьких слёз украдкой
 Я в ту ночь пролью!..
 Спи, мой ангел, тихо, сладко,
 Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
 Безутешно ждать;
 Стану целый день молиться,
 По ночам гадать;
 Стану думать, что скучаешь
 Ты в чужом краю...
 Спи ж, пока забот не знаешь,
 Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу

Образок святой:
Ты его, моляся богу,
 Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
 Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
 Баюшки-баю.

<1837-38>

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

<1840 или 1841>

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть.
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь,

Чтоб, всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

<1841>

Родина

Люблю отчизну я, но странною любовью!

Не победит ее рассудок мой.

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —

Ее степей холодное молчанье,

Ее лесов безбрежных колыханье,

Разливы рек ее, подобные морям;

Проселочным путем люблю скакать в телеге

И, взором медленным пронзая ночи тень,

Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,

Дрожащие огни печальных деревень.

Люблю дымок спаленной жнивы,

В степи ночующий обоз

И на холме среди желтой нивы

Чету белеющих берез.

С отрадой многим незнакомой

Я вижу полное гумно,

Избу, покрытую соломой,

С резными ставнями окно;

И в праздник, вечером росистым,

Смотреть до полночи готов

На пляску с топаньем и свистом

Под говор пьяных мужичков.

<1841>

Сон

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая ещё дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их жёлтые вершины
И жгло меня — но спал я мёртвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шёл разговор весёлый обо мне.

Но в разговор весёлый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа её младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струёй

<1841>

Алексей Константинович Толстой (1817-75)*Волки*

Когда в сёлах пустеет,
Смолкнут песни селян
И седой забелеет
Над болотом туман,
Из лесов тихомолком
По полям волк за волком
Отправляются все на добычу.

Семь волков идут смело.
Впереди их идёт
Волк осьмой, шерсти белой;
А таинственный ход
Заключает девятый.
С окровавленной пятой
Он за ними идёт и хромает.

Их ничто не пугает.
На село ли им путь,
Пёс на них и не лает;
А мужик идохнуть,
Видя их, не посмеет:
Он от страху бледнеет
И читает тихонько молитву.

Волки церковь обходят
Осторожно кругом,
В двор поповский заходят
И шевелят хвостом,
Близ корчмы водят ухом
И внимают всем слухом,
Не ведутся ль там грешные речи?

Их глаза словно свечи,
Зубы шила острей.
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стреляй по ним смело,
Прежде рухнет волк белый,
А за ним упадут и другие.

На селе ж, когда спящих
Всех разбудит петух,
Ты увидишь лежащих

Девять мёртвых старух.
Впереди их седая,
Позади их хромя,
Все в крови... с нами сила Господня!

<1840-е годы>

Афанасий Афанасьевич Фет (1820-92)

Я пришёл к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришёл я снова,
Что душа всё так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что́ буду
Петь — но только песня зреет.

<1843>

Облаком волнистым
Пыль встаёт вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далёкий,
Вспомни обо мне!

<1843>

Воздушный город

Вон там по заре растянулся
Причудливый хор облаков:
Все будто бы кровли, да стены,
Да ряд золотых куполов.

То будто бы белый мой город,
Мой город знакомый, родной,
Высоко на розовом небе
Над темной, уснувшей землей.

И весь этот город воздушный
Тихонько на север плывет...
Там кто-то манит за собою, —
Да крыльев лететь не дает!..

<1846>

Лозы мои за окном разрослись живописно и даже
Свет отнимают. Смотри, вот половина окна
Верхняя тёмною зеленью листьев покрыта; меж ними,
Будто нарочно, в окне кисть начинает желтеть.
Милая, полно, не трогай!.. К чему этот дух разрушенья!
Ты доставать виноград высунешь руку на двор, —
Белую, полную ручку легко распознают соседи,
Скажут: она у него в комнате тайно была.

<1847>

Шёпот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слёзы,
И заря, заря!..

<1850>

У камина

Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьётся огонёк.
Так плещет на багряном маке
Крылом лазурным мотылёк.

Видений пёстрых вереница
Влечёт, усталый теша взгляд,
И неразгаданные лица
Из пепла серого глядят.

Встаёт ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжёт душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

<1856>

Пойду навстречу к ним знакомою тропюю.
Какою нежною, янтарною зарёю
Сияют небеса, нетленные, как рай.
Далёко выгнулся земли померкший край,
Прохлада вечера и дышит и не дышит
И колос зреющий едва-едва колышет.
Нет, дальше не пойду: под сению дубов
Всю ночь, всю эту ночь я просидеть готов,
Смотря в лицо зари иль вдоль дороги серой...
Какою молодой и безграничной верой
Опять душа полна! Как в этой тишине
Всем, всем, что жизнь дала, довольная вполне,
Иного уж она не требует удела.
Собака верная у ног моих присела
И, ухо чуткое насторожив слегка,
Глядит на медленно ползущего жука.
Иль мне послышалось? — В подобные мгновенья
Вдали колеблются и звуки и виденья.
Нет, точно — издали доходит до меня
Нетерпеливый шаг знакомого коня.

<1859>

Только встречу улыбку твою,
Или взгляд уловлю твой отрадной, —
Не тебе песнь любви я пою,
А твоей красоте ненаглядной.

Про певца по зарям говорят,
Будто розу влюблённую трелью
Восхвалять неумолчно он рад,
Над душистой её колыбелью.

Но безмолвствует, пышно чиста,
Молодая владычица сада:
Только песне нужна красота,
Красоте же и песен не надо.

<1873?>

Никогда

Проснулся я. Да, крышка гроба. — Руки
С усилием простираю и зову
На помощь. Да, я помню эти муки
Предсмертные. — Да, это наяву! —
И без усилий, словно паутину,
Сотлевшую раздвинул домовину

И встал. Как ярк этот зимний свет
Во входе склепа! Можно ль сомневаться? —
Я вижу снег. На склепе двери нет.
Пора домой. Вот дома изумятся!
Мне парк знаком, нельзя с дороги сбиться.
А как он весь успел перемениться!

Бегу. Сугробы. Мёртвый лес торчит
Недвижными ветвями в глубь эфира,
Но ни следов, ни звуков. Всё молчит,
Как в царстве смерти сказочного мира.
А вот и дом. В каком он разрушенье!
И руки опустились в изумленье.

Селенье спит под снежной пеленой,
Тропинки нет по всей степи раздольной.
Да, так и есть: над дальнею горой
Узнал я церковь с ветхой колокольней.
Как мёрзлый путник в снеговой пыли,
Она торчит в безоблачной дали.

Ни зимних птиц, ни мошек на снегу.
Всё понял я: земля давно остыла
И вымерла. Кому же берегу
В груди дыханье? Для кого могила
Меня вернула? И моё сознание
С чем связано? И в чём его призвание?

Куда идти, где некого обнять,
Там, где в пространстве затерялось время?
Вернись же, смерть, поторопись принять
Последней жизни роковое бремя.
А ты, застывший труп земли, лети,
Неся мой труп по вечному пути!

<Январь 1879>

Теперь

Мой прах уснёт забытый и холодный,
А для тебя настанет жизни май;
О, хоть на миг душою благородной
Тогда стихам, звучавшим мне, внимай!

И вдумчивым и чутким сердцем девы
Безумных снов волненья ты поймёшь
И от чего в дрожащие напевы
Я уходил — и ты за мной уйдёшь.

Приветами, встающими из гроба,
Сердечных тайн бессмертье ты проверь.
Вневременной повею жизнью оба,
И ты и я — мы встретимся — теперь!

<1883>

Ласточки

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши всё кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечереющим прудом.

Вот понеслась и зачертила —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.

И снова то же дерзновенье
И та же тёмная струя, —
Не таково ли вдохновенье
И человеческого я?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

<1884>

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдёт,
Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветёт.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

<2 сентября 1885>

Ты вся в огнях. Твоих зарниц
И я сверканьями украшен;
Под сенью ласковых ресниц
Огонь небесный мне не страшен.

Но я боюсь таких высот,
Где устоять я не умею.
Как сохранить мне образ тот,
Что придан мне душой твоею?

Боюсь — на бледный облик мой
Падёт твой взор неблагоклонный,
И я очнусь перед тобой
Угасший вдруг и опалённый.

<3 августа 1886>

Сентябрьская роза

За вздохом утренним мороза,
Румянец уст приотворя,
Как странно улыбнулась роза
В день бысролетней сентября!

Перед порхающей синицей
В давно безлиственных кустах
Как дерзко выступать царицей
С приветом вешним на устах.

Расцвесь в надежде неуклонной —
С холодной разлучась грядой,
Прильнуть последней, опьяненной
К груди хозяйки молодой!

<22 ноября 1890>

Ещё люблю, ещё томлюсь
Перед всемирной красотой
И ни за что не отрекусь
От ласк, ниспосланных тобою.

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятн отовсюду.

Покорны солнечным лучам,
Так сходят корни в глубь могилы
И там у смерти ищут силы
Бежать навстречу вешним дням.

<10 декабря 1890>

Аполлон Николаевич Майков (1821-97)*Сенокос*

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
Мужички его кругом
На-воз вилами кидают...
Воз растет, растет, как дом...

В ожиданьи конь убогий
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая,
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

<1856>

Николай Алексеевич Некрасов (1821-77)

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашёл я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из её груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

<1848>

Мороз, Красный нос

Посвящаю моей сестре Анне Алексеевне

Часть вторая

Мороз, Красный нос

30

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи —
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею,
Чу! ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,
Над самой ее головой!

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

31

«Вглядись, молодница, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?»

Метели, снега и туманы

Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы изо льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли, —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню,
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.

Бабенки, пеняя на леших,
Домой удирают скорей.
А пьяных, и конных, и пеших
Дурачить еще веселей.

Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запыхает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам — хоть руби топором!

Богат я, казны не считаю,
А вс? не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
Поцарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой...»
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

32

«Тепло ли тебе, молодица?» —
 С высокой сосны ей кричит.
 «Тепло!» — отвечает вдовица,
 Сама холодеет, дрожит.

Морозко спустился пониже,
 Опять помахал булавой
 И шепчет ей ласковой, тише:
 «Тепло ли?...» — «Тепло, золотой!»

Тепло — а сама коченеет.
 Морозко коснулся ее:
 В лицо ей дыханием веет
 И иглы колючие сеет
 С седой бороды на нее.

И вот перед ней опустился!
 «Тепло ли?» — промолвил опять
 И в Проклушку вдруг обратился,
 И стал он ее целовать.

В уста ее, в очи и плечи
 Седой чародей целовал
 И те же ей сладкие речи,
 Что милый о свадьбе, шептал.

И так-то ли любо ей было
 Внимать его сладким речам,
 Что Дарьюшка очи закрыла,
 Топор уронила к ногам,

Улыбка у горькой вдовицы
 Играет на бледных губах,
 Пушисты и белы ресницы,
 Морозные иглы в бровях...

33

В сверкающий иней одета,
 Стоит, холодеет она,
 И снится ей жаркое лето —
 Не вся еще рожь свезена.

Но сжата, — полегче им стало!
 Возили снопы мужики,

А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.

Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.

Телега, скрипя, подъезжает —
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.

«Бог помочь! А где же Гришуха?» —
Отец мимоходом сказал.
«В горохах», — сказала старуха.
«Гришуха!» — отец закричал,

На небо взглянул. «Чай, не рано?
Испить бы...» — Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подает.

Гришуха меж тем отозвался:
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.

«Бежит!.. у!.. бежит, постреленок,
Горит под ногами трава!» —
Гришуха черен, как галчонок,
Бела лишь одна голова.

Крича, подбегает вприсядку
(На шее горох хомутом).
Попотчевал бабушку, матку,
Сестренку — вертится вьюном!

От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Меж тем не дремал и савраска:
Он шею тянул да тянул,

Добрался, — оскаливши зубы,
Горох аппетитно жует
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берет...

34

Машутка отцу закричала:
«Возьми меня, тятка, с собой!» —
Спрыгнула с мешка — и упала,
Отец ее поднял. «Не вой!

Убилась — неважное дело!..
Девчонок ненадобно мне,
Еще вот такого пострела
Рожай мне, хозяйка, к весне!

Смотри же!..» Жена застыдилась:
«Довольно с тебя одного!»
(А знала, под сердцем уж билось
Дитя...) «Ну! Машук, ничего!»

И Проклушка, став на телегу,
Машутку с собой посадил.
Вскочил и Гришуха с разбегу,
И с грохотом воз покотил.

Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь,

Как дети с отцом приближались
К дымящейся риге своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...

Чу, песня! знакомые звуки!
Хорош голосок у певца...
Последние признаки муки
У Дарьи исчезли с лица,

Душой улетающая за песней,
Она отдалась ей вполне...
Нет в мире той песни прелестней,
Которую слышим во сне!

О чем она — бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней дольного счастья предел.

В ней кроткая ласка участия,

Обеты любви без конца...
 Улыбка довольства и счастья
 У Дарьи не сходит с лица.

35

Какой бы ценой ни досталось
 Забвенью крестьянке моей,
 Что нужды? Она улыбалась.
 Жалеть мы не будем о ней.

Нет глубже, нет слаще покоя,
 Какой посылает нам лес,
 Недвижно бестрепетно стоя
 Под холодом зимних небес.

Нигде так глубоко и вольно
 Не дышит усталая грудь,
 И ежели жить нам довольно,
 Нам слаще нигде не уснуть!

36

Ни звука! Душа умирает
 Для скорби, для страсти. Стоишь
 И чувствуешь, как покоряет
 Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синий
 Свод неба, да солнце, да лес,
 В серебряно-матовый иней
 Наряженный, полный чудес,

Влекущий неведомой тайной,
 Глубоко-бесстрастный... Но вот
 Послышался шорох случайный —
 Вершинами белка идет.

Ком снегу она уронила
 На Дарью, прыгнув по сосне.
 А Дарья стояла и стыла
 В своем заколдованном сне...

<1864>

Гимн

Господь! твори добро народу!
Благослови народный труд,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый суд!

Чтобы благие начинанья
Могли свободно возрасти,
разлей в народе жажду знанья
И к знанью укажи пути!

И от ярма порабощенья
Твоих избранников спаси,
Которым знамя просвещенья,
Господь! ты вверишь на Руси...

<1866>

Русские женщины: Княгиня М.Н. Волконская (бабушкины записки) (1826-27 г.)

Глава 4

И Пушкин тут был... Я узнала его...
 Он другом был нашего детства,
 В Юрзуфе он жил у отца моего,
 В ту пору проказ и кокетства
 Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
 Бросали друг в друга цветами.
 Всё наше семейство поехало в Крым,
 И Пушкин отправился с нами.
 Мы ехали весело. Вот наконец
 И горы, и Черное море!
 Велел постоять экипажам отец,
 Гуляли мы тут на просторе.

Тогда уже был мне шестнадцатый год.
 Гибка, высока не по летам,
 Покинув семью, я стрелою вперед
 Умчалась с курчавым поэтом;
 Без шляпки, с распущенной длинной косой;
 Полуденным солнцем палима,
 Я к морю летела, — и был предо мной
 Вид южного берега Крыма!
 Я радостным взором глядела кругом,
 Я прыгала, с морем играла;
 Когда удалялся прилив, я бегом
 До самой воды добегала,
 Когда же прилив возвращался опять
 И волны грядой подступали,
 От них я спешила назад убежать,
 А волны меня настигали!..

И Пушкин смотрел... и смеялся, что я
 Ботинки мои промочила.
 «Молчите! идет гувернантка моя!» —
 Сказала я строго. (Я скрыла,
 Что ноги промокли)... Потом я прочла
 В «Онегине» чудные строки.
 Я вспыхнула вся — я довольна была...
 Теперь я стара, так далеки
 Те красные дни! Я не буду скрывать,
 Что Пушкин в то время казался
 Влюбленным в меня... но, по правде сказать,
 В кого он тогда не влюблялся!
 Но, думаю, он не любил никого
 Тогда, кроме музыки: едва ли

Не больше любви занимали его
Волнения ее и печали...

Юрзуф живописен: в роскошных садах
Долины его потонули,
У ног его море, вдали Аюдаг...
Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбегал
На кручу лозой отягченной,
И тополь местами недвижно стоял
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт наверху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
Что в море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по дням
И были всегда одиноки,
Он у моря часто бродил по ночам.
По-английски брал он уроки
У Лены, сестры моей: Байрон тогда
Его занимал чрезвычайно.
Случалось сестре перевесть иногда
Из Байрона что-нибудь — тайно;
Она мне читала попытки свои,
А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел всё дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену...
Окончив занятия, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом,
Под ним заставлял его часто рассвет,
Он с ним, уезжая, прощался...
И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:
«К поэту летал соловей по ночам,
Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом он пел — и, певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей — повествует народ —
Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовет
К забытому другу поэта!
Но умер поэт — прилетать перестал

Пернатый певец... Полный горя,
С тех пор кипарис сиротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря...»
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают...

<Лето 1872>